

Рецензии

УДК 316.34(54)

DOI: 10.28995/2658-4158-2023-4-145-155

Между двух миров:
англо-индийцы в поисках принадлежности.

Рецензия на книгу:
O'Brien B. The Anglo-Indians. A portrait of a community.
New Delhi: Aleph, 2022. 538 p.

Светлана Е. Сидорова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, veta.sidorova@mail.ru

Для цитирования: Сидорова С.Е. Между двух миров: англо-индийцы в поисках принадлежности [Рец.]: O'Brien B. The Anglo-Indians. A portrait of a community. New Delhi: Aleph, 2022. 538 p. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2023. № 4. С. 145–155. DOI: 10.28995/2658-4158-2023-4-145-155

Between two worlds:
Anglo-Indians in search of belonging

Book review:
O'Brien B. The Anglo-Indians. A portrait of a community.
New Delhi: Aleph, 2022. 538 p.

Svetlana E. Sidorova

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, veta.sidorova@mail.ru*

For citation: Sidorova, S.E. (2023), "Between two worlds: Anglo-Indians in search of belonging. [Book review]: O'Brien B. The Anglo-Indians. A portrait of a community. New Delhi: Aleph, 2022. 538 p.", Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion, no. 4, pp. 145–155, DOI: 10.28995/2658-4158-2023-4-145-155

© Сидорова С.Е., 2023

Колониальный период в истории Индии оставил на субконтиненте большое наследие, воплощенное в объектах материальной и нематериальной культуры, социально-политических институтах и экономических структурах. А еще он вызвал к жизни особую группу людей, появившихся на свет в результате связей между европейскими мужчинами и женщинами из числа местного населения. Представителей этого сообщества называли по-разному – ист-индийцы (East Indians¹), евразийцы (Eurasians), англо-индийцы (Anglo-Indians). Последнее название закрепилось за ними в XX в. и сохраняется до сих пор.

Именно оно вынесено в заглавие книги Барри О’Брайена, хотя автор использует в тексте все перечисленные выше определения как синонимичные. Несмотря на кажущуюся очевидность термина, вопрос о том, кто такой англо-индеец, непростой. Его то и ставит автор в самом начале книги и приводит определение, зафиксированное в статье 366 (2) Конституции Индии, которое предполагает не только этническую, но гендерную, территориальную и гражданскую составляющие: «Англо-индеец – это человек, имеющий в предках европейца по мужской линии, гражданин Индии, обязательно проживающий на территории Индии постоянно» (с. xxiii).

Сочетание нескольких факторов, необходимых для того, чтобы считаться англо-индиейцем, делает его идентичность уникальной. Однако, как отмечает автор, из этого правила есть много исключений. Его собственное определение сводится к следующей трехчастной формуле: «Во-первых, это люди, имеющие в предках европейцев <...>, англо-индийцы по культуре, считающие родным языком английский (для некоторых это португальский в Керале и французский в Пондичери). Во-вторых, это те, кто происходит от европейцев, но по культуре очень сильно отличается от других англо-индийцев, не говорит на английском, португальском или французском и не считает их родными языками. Они лишь настаивают на том, что имеют англо-индийское происхождение, что должно учитываться официальными властями. В-третьих, это те, у кого вовсе нет европейских предков, они индийцы по рождению, принявшие христианство, европейские имена и усвоившие англо-индийскую культуру» (с. xxviii)². О’Брайен заключает это определение такими словами: «Предположу, что, если бы представителям англо-индийского сообщества надо было заполнить графу “Статус”, то там было бы написано “Это сложно”» (с. xxviii).

¹ В качестве производного от Ост-Индской компании.

² Этот пункт примечателен, потому что в другом месте автор утверждает, что англо-индиейцем стать нельзя, им можно только родиться (с. xxiv).

Поэтому главную задачу, которую автор решает на протяжении более пятисот страниц, можно сформулировать как определение контуров идентичности англо-индийцев и фиксирование их присутствия в общественной ткани современного индийского общества через наделение группы индивидуальным образом и голосом.

Сам Барри О'Брайен принадлежит к англо-индийскому сообществу. Он родился в районе Бангали в Южной Колкате, где его семья, принадлежащая к среднему классу, была единственной англо-индийской и христианской. Он жил в окружении индуистской культуры, тем не менее с рождения он был активно вовлечен в жизнь своей общины и был одним из ее «активистов, пропагандистов и критиков». Его отец, Нил О'Брайен (1934–2016), был президентом Всеиндийской Англо-Индийской ассоциации (далее – Ассоциация), а после его смерти этот пост занял он сам.

Книга состоит из четырех частей, которые писались как самостоятельные произведения и именно так могут восприниматься и читаться (с. xii). В первых двух главах автор предлагает исторический экскурс, который очень важен для понимания того, как физически появлялась и формировалась эта группа и в ходе каких процессов и событий она обособлялась.

Первое предательство

Англо-индийское сообщество насчитывает пять веков существования, его рождение приходится на момент прибытия португальского мореплавателя Васко де Гама в Каликут в 1498 г. Потомки от браков между португальскими мужчинами и местными женщинами назывались лузо-индейцами (Luso-Indians). За португальцами прибыли немногочисленные группы голландцев, скандинавов, немцев, швейцарцев, не сыгравших заметной роли в формировании евразийского сообщества (с. 7–8), чего нельзя сказать о французах, оказавшихся в Индостане уже после англичан и голландцев в середине XVII в., но в последующие столетия весьма прочно обосновавшихся там. Однако главными «поставщиками» членов евразийской общины были британцы. Уже со второй половины XVII в. Ост-Индская компания взяла процесс матримониальных отношений своих служащих под контроль, стимулируя их вступать в браки с индианками, лузо-индианками, португалками и настаивая на том, чтобы появлявшиеся дети были крещены в англиканской вере. Смешанные браки стали очень распространены, при этом автор обращает внимание на то, что евразийская община образовалась не в результате внебрачных связей между маргинальными элементами английского и индийского обществ, а как следствие узаконненных

и общепринятых отношений (с. 17). Британцы считали, что межрасовое потомство, понимающее язык и культуру Запада и Востока, было очень важно для обеспечения стабильности и безопасности их власти и полезно на гражданской и военной службе, куда евразийцев активно принимали. До конца XVIII в. ист-индийцы (так их чаще всего называли до середины XIX в.) пользовались привилегированным статусом в обществе и воспринимались более или менее на равных с британцами. Они работали клерками, управляющими чайных, индиговых плантаций, занимали административные должности, были заняты на инженерных работах, в медицине, в оценке и сборе налогов, служили в армии, а также нанимались ко дворам местных правителей. Они получали соответствующее образование, в том числе и в Англии, и имели неплохой доход. Это было процветающее сообщество, считавшее себя частью британского мира, не чувствовавшее ни своей особенности, ни обособленности (с. 19–20).

Ситуация резко изменилась в конце XVIII в., когда число представителей смешанных рас значительно превысило число британцев в Индии. Вследствие нескольких решений Ост-Индской компании, запрещающих ист-индийцам наем на службу к местным правителям (1784 г.), получение сиротами британских офицеров и чиновников образования в Англии (1786 г.), поступление на гражданскую или военную службу Ост-Индской компании (1791), всего за одно десятилетие их сообщество было низведено до статуса «запрещенной и угнетенной расы» (с. 22). Они стали терять работу и доходы, подвергаться дискриминации и социальному ostracismu. В начале XIX в. женитьба европейцев на евразийках перестала быть широко распространенной практикой в Индии, ей на смену пришли полуофициальные связи, дети от которых имели очень невысокое положение в обществе и были объектом целого ряда ограничений. Понижение социального и материального статуса англо-индийцев, отторжение их от привычного образа жизни, выталкивание за пределы считавшейся ими «своей» страты воспринимается и называется автором предательством сообщества, совершенным британцами (с. 157). Именно в этот период, по мнению О'Брайена, англо-индийцы впервые столкнулись с кризисом идентичности, в состоянии которого они в той или иной форме пребывают уже более двух веков.

Речь идет, как представляется, о кризисе или даже отсутствии *групповой* идентичности. Вытолкнутые за пределы британского сообщества, с одной стороны, и не приставшие ни к одному из местных, чуждых им по культуре, вере, языку, обычаям, с другой – они оказались потерянными между двух миров – колонизаторов и колонизованных. Барри О'Брайен сравнивает их с прослойкой в сэндвиче (с. 39). Однако на индивидуальном уровне каждый

англо-индеец по-прежнему воспринимал себя частью породившего его европейского мира. Этому способствовала также специфика территориальной принадлежности. В силу особенностей английского управления Индией, предполагавшего равномерное распределение колониальных административных и военных структур по подвластным землям и высокую ротацию и мобильность укомплектовывавших их кадров, англо-индийцы также были рассеяны тонким слоем по всему субконтиненту и слабо привязаны к местам своего рождения. Подобно своим отцам, которые хотя и проводили порой десятилетия в Индии, но, как правило, никогда не воспринимали ее как родную землю, англо-индийцы считали своим домом Англию. Примечательно, что после обретения в 1947 г. Индией независимости очень много англо-индийцев, родившихся в колонии, уехали на свою воображаемую родину, в которой они в большинстве случаев никогда не бывали (с. 119–137). А оставшиеся вели долгое время активные, но не увенчавшиеся успехом обсуждения с представителями властей о выделении их сообществу конкретного места в Индии (вплоть до Андаманских островов), которое стало бы местом их компактного проживания.

Зависание в социокультурном пространстве без понимания своего места в нем не позволяло англо-индийцам разглядеть контуры собственной, уникальной группы и осознать себя принадлежащими к ней. Вероятно, этим можно объяснить отмечаемую автором на протяжении всего повествования их инертность и разобщенность, индифферентность к совместным действиям и общинной солидарности.

Выбор между двумя мирами

История сообщества на протяжении полутора веков с начала XIX в. выглядит как череда усилий, направленных на возвращение в «лоно семьи», т. е. обратную инкорпорацию в группу пришедших на индийский полуостров британских колонизаторов. О'Брайен описывает основные вехи этого пути. В первой половине XIX в. противостояние британским репрессиям выразилось в образовании учебных заведений специально для обучения ист-индийцев, основании Ист-Индийского клуба (1825 г.) и Эмиграционного общества (1852 г.), помогавшего членам сообщества эмигрировать в Австралию, где были возможности найти работу. В это же время они начали апеллировать к Ост-Индской компании с требованиями равных с британцами прав и привилегий, для чего они выпустили петицию, представленную на парламентских слушаниях в мае–июне 1830 г., а затем еще одну в 1849 г. (с. 28–36).

В каждодневной жизни англо-индийцы заняли (можно сказать монополизировали) профессиональную нишу, связанную со строительством и обслуживанием железных дорог и телеграфа; они также были востребованы в административно-бюрократической сфере. Однако политика англичан, направленная на частичное включение местного населения в процессы управления на локальном уровне или «индизации» административных служб, касалась исключительно индийцев. При этом те из них, которые получили хорошее образование и относились к высококастовым группам общества, имели очевидные преимущества перед евразийцами. Интересы же последних никак не учитывались, и они проигрывали в конкурентной борьбе.

Поэтому во второй половине XIX в., видя, как индийцы начали выступать за свои права и доступ к управлению Индией, они тоже стали организовываться. В 1876 г. была основана Евразийская и Англо-Индийская ассоциация в Калькутте, которая впоследствии приобрела общеиндийский статус, старейшая и самая авторитетная организация англо-индийцев, которую ныне возглавляет Барри О'Брайен (с. 53). Наряду с ней в конце XIX в. возникло еще несколько организаций локального характера, представлявших интересы сообщества англо-индийцев (с. 57–60). Все они, сопротивляясь открытой дискриминации своих членов со стороны колониальных властей по признакам «отличающейся внешности и низкой морали» (с. 40), настаивали на привилегиях, доступных чистокровным британцам.

К рубежу XIX и XX столетий эта проблема решалась в том числе через поиск самоназвания. Многим представителям общины не нравилось определение «евразийцы», которое стало употребляться во второй половине XIX в., воспринимавшееся ими как «уничижительное и расистское» (с. 60). Один из представителей сообщества, д-р Джеймс Уэллес, поставил вопрос о наделении его официальным именем, в качестве которого он предложил слово «англо-индийцы», придуманное британцами, оказавшимися в Индии, для самих себя. Он писал: «Мы британцы и должны быть британцами навеки. Покуда мы отказываемся от этого названия (англо-индийцы. – С. С.) и позволяем называть себя евразийцами <...> мы отстраняемся от нашего славного наследия в качестве британцев» (с. 60). Эта инициатива увенчалась успехом: в переписи населения 1911 г. их сообщество числилось как англо-индийское численностью 101 657 человек (с. 510).

В это время у общины появились яркие лидеры. Одним из них был Генри Гидни (1873–1942), благодаря усилиям которого в Законе об управлении Индией 1935 г. было зафиксировано определение англо-индийцев, что закрепляло их статус как отдельной группы

и позволяло претендовать на места в законодательных органах власти.

На протяжении полутора веков после превращения из британских «сынов» в «пасынков» англо-индийцы неизменно демонстрировали лояльное отношение к британским властям: поддерживали их в период Сипайского восстания, во время Первой и Второй мировых войн проявляли себя преданными империи и властям не только на поле боя, но и в тылу, обеспечивая бесперебойную работу железных дорог, телеграфа, телефона, почты, предотвращая стачки и забастовки на этих объектах и т. д. Несмотря на это, британцы не стремились отвечать им благодарностью и предоставлять особые права и по-прежнему в зависимости от ситуации и конъюнктуры продолжали воспринимать их то как местных уроженцев, то как британцев. А с приближением перспективы обретения Индией независимости и вовсе дали им понять, что не собираются обеспечивать комфортный трансфер на «родину» в Англию и что их место на земле – Индия.

Для англо-индийцев же настало время принять решение относительно их будущего, которое они, в конце концов, связали с Индией. Следующий после Гидни президент Ассоциации Фрэнк Энтони (1908–1993) уже выступал за сохранение языка, образа жизни, культуры и институтов англо-индийцев в Индии в качестве граждан Индии (с. 88). В 1942 г. Энтони заявил, что «англо-индийцы – это индийцы и будут двигаться плечом к плечу со своими индийскими соотечественниками по пути к новой, возрожденной Индии» (с. 89). Тогда же, в 1942 г., он сделал заявление, которое, по выражению О'Брайена, стало «евангелием» сообщества и остается таковым по сей день: «По принадлежности мы англо-индийцы. Этим фактом мы имеем все основания гордиться. Мы создали историю, во многих отношениях примечательную, которой могут по праву гордиться гораздо более широкие сообщества в любой точке мира. Давайте будем держаться и держаться за все, что нам дорого: за наш язык, за наш образ жизни и за нашу самобытную культуру. Но давайте всегда помнить, что мы индийцы. Сообщество наше индийское. И всегда было индийским. Более того, оно является таковым по неотъемлемому праву рождения. Чем больше мы любим Индию и сохраняем ей верность, тем больше Индия будет любить нас и быть верной нам» (с. 113).

Впоследствии Энтони предпринимал усилия по закреплению прав сообщества англо-индийцев уже в качестве граждан независимой страны. Принятая в 1950 г. Конституция Индии содержала статьи 331, 333, 336 и 337, которые оговаривали представительство англо-индийцев в Лок Сабхе (народной палате парламента),

законодательных собраниях штатов, преимущественное право занятия ими должностей в железнодорожных, таможенных, телеграфных и почтовых службах, а также правительственные субсидии на развитие их образования. Однако некоторые представители англо-индийцев критиковали Гидни и Энтони за то, что они пожертвовали британским наследием в пользу индуизации сообщества (с. 99). К моменту провозглашения независимости Индии оно насчитывало около полумиллиона человек при общей численности населения в 350 млн. До Гидни и Энтони никто в англо-индийском сообществе не воспринимал Индию как страну их принадлежности. Именно они впервые поставили вопрос таким образом (с. 111).

Традиция самоописания

Изгнанничество людей, имеющих смешанное происхождение и пытающихся отстоять право быть сначала британцами, а потом индийцами, запустило процесс их обособления и выделения в обладающую специфическими чертами группу. Однако вплоть до XX в. эта группа объективируется за счет упоминаний или описаний сторонними наблюдателями, главным образом представителями британского сообщества. В колониальных нарративах она видится и представляется в основном как незначительный феномен и невлиятельный актер общественной жизни. Можно вспомнить роман Дж. Оруэлла «Дни в Бирме», в котором, несмотря на проявленные автором сочувствие и симпатию к местному населению и их культуре, два героя, англо-индеец – мистер Самуил, сын баптистского миссионера, и мистер Франциск, сын католического миссионера, представлены в нелепом, жалком и почти гротескном виде. Описываются в романе и практики неафишируемых связей белых мужчин с бирманскими женщинами, упоминаются и дети, рожденные от этих связей, брошенные и ненужные своим отцам.

Существенным признаком обретения индивидом или группой субъектности является традиция самоописания. Интенсифицировавшиеся в XX в. процессы складывания национальных элит в колонии, усиление национально-освободительной борьбы, обострение межрелигиозных и межобщинных конфликтов, распад Британской империи и последовавшее формирование национальных государств поставили англо-индийцев перед выбором, подтолкнувшим их к рефлексии и самоопределению. Именно в это время появляются тексты, созданные внутри сообщества, воспроизводящие его историю и осмысливающие ключевые проблемы.

В книге О'Брайена этим нарративам посвящено несколько страниц в главе, описывающей усилия сообщества в области литературы (с. 293–298). Рассматриваемая здесь книга О'Брайена тоже стала существенным вкладом в традицию самоописания.

Закономерно задуматься над тем, как читать и воспринимать эту книгу. С одной стороны, принадлежность автора к общине означает, что читателю будет рассказана история изнутри, детально и со знанием дела, но с другой – может ли читатель рассчитывать на необходимый уровень критического взгляда на описываемую историю? Автор и сам понимает уязвимость своей позиции и использует подход, о котором он пишет так: «После нескольких недель метаний по поводу того, как я должен подойти к написанию книги, я решил сделать это в соответствии со старым англо-индийским принципом: не заикливайся на этом – просто действуй. Это также более прямой путь, WYSIWYG: что вы видите, то и получаете (“what you see is what you get”). Никаких запретов (кстати, новый англо-индийский путь совершенно иной – более осторожный и осмотрительный, некоторые говорят, что он «менее захватывающий»)» (с. xxi). Книга О'Брайена – не отрешенный, а очень заинтересованный и эмоциональный рассказ, наполненный любовью, гордостью и местами сквозящей обидой за свою общину, а также настойчиво проводящий мысль о заслуженном праве этих людей жить в Индии и считаться достойными гражданами страны.

Вся третья часть книги посвящена тому, чтобы показать значимость англо-индийцев для индийского общества и сделанный ими вклад в его становление. Это усилия по развитию образования, изначально предназначенного именно для обучения англо-индийских детей, сохранение английского языка как средства общенационального и межгосударственного общения; участие в военных кампаниях, в том числе в Первой и Второй мировых войнах; изменение роли женщин в социальной жизни индийского общества благодаря примеру, поданному англо-индианками, которые начиная с XIX в. активно работали и продолжают работать медсестрами, учителями, секретарями, стюардессами, в области киноиндустрии, спорта; участие в развитии железнодорожной инфраструктуры и сообщения, которое стало едва ли не основной сферой профессиональной занятости англо-индийцев, образовывавших вокруг железнодорожных станций целые колонии-поселения; преданная служба в государственной сфере (полиция, больницы, бюрократия), а также на ниве искусства и спорта.

Второе предательство

Демонстрация присутствия англо-индийцев в жизни современной Индии важна для сохранения положения в качестве отдельной группы общества, закрепленного в Конституции страны. Если сразу после обретения независимости зарезервированные за англо-индийцами места в Лок Сабхе занимали кандидаты, рекомендованные Ассоциацией, то начиная с 1980-х гг. все чаще эти советы игнорировались и происходило назначение тех, чьи политические предпочтения коррелировались с интересами находящейся у власти партии. В результате эти депутаты действовали не столько в интересах сообщества, сколько в интересах находящихся у власти элит. Ситуация стала совсем тяжелой, когда 12 декабря 2019 г. очередная поправка к Конституции не сохранила за англо-индийцами зарезервированные места в Лок Сабхе и парламентах штатов. Предполагается, что нынешние кандидаты досидят свой срок, который окончится в 2024 г., и нового назначения не последует. Эту поправку О'Брайен назвал «вторым предательством сообщества англо-индийцев», на этот раз индийцами, а 12 декабря 2019 г. самым черным днем в его истории в период независимой Индии (с. 167, 173). Власти же, аргументируя это решение, ссылаются на перепись населения 2011 г., в соответствии с которой официальное число англо-индийцев составляет всего 296 человек. О'Брайен опровергает эту цифру, указывая на то, что она получилась из-за некорректно поставленных перед участниками переписи вопросов и отсутствия графы, где уместно было бы указать свою принадлежность к англо-индийской группе. На самом деле, по мнению автора, численность общины составляет на сегодняшний день порядка 350 тыс. человек (с. 169–171). Автор описывает нынешние усилия Ассоциации по пересмотру принятой поправки. В такое кризисное время выход книги, представляющей общину в крайне комплиментарном свете, может рассматриваться как своеобразный ответ на демарш властей. Поэтому простой, доходчивый, не наукообразный язык повествования О'Брайена весьма уместен, так как позволяет привлечь более широкую читательскую аудиторию и познакомить ее с уникальным наследием первых пяти веков контактов между европейцами и местным населением.

Четвертая часть книги посвящена описанию образа жизни англо-индийцев и специфических особенностей в организации быта, обустройстве жилища, одежде, пищевых предпочтениях, употреблении английского языка. Особое внимание автор уделяет проблемам интеграции общины в урбанистическую жизнь современной Индии (англо-индийцы всегда были городскими жителями). Примечательно, что матримониальным вопросам, а также

проблемам физического воспроизводства членов общины англо-индийцев уделено только полстраницы (с. 354). Если до 1960-х гг. браки заключались строго внутри сообщества, что капсулировало общину, сохраняя ее аутентичность, то в настоящее время ситуация изменилась, и все больше и больше семей создается между англо-индийцами и индийцами. Не исключено, что поэтому, предлагая собственное определение англо-индийца (см. в начале этого текста), О'Брайен включил третий пункт про тех, у кого в предках нет европейцев, но кто принял англо-индийский образ жизни. Возможно, будущность общины будет именно за такими членами.

Книга Барри О'Брайена – это подробный, с большой любовью написанный портрет уникального сообщества, ставшего порождением эпохи географических открытий, колониальных империй и ускорившейся глобализации. Его обособленность и уникальность складывалась не из факторов ясной и жесткой этнической и локальной принадлежности, а, наоборот, на основе «расовой» двойной лояльности, размытости или отсутствия территориальной привязки, «вытолкнутости» за пределы породивших его миров и вынужденного пребывания в пространстве промежуточности.

Информация об авторе

Светлана Е. Сидорова, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; veta.sidorova@mail.ru

Information about the author

Svetlana E. Sidorova, Cand. of Sci (History), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; veta.sidorova@mail.ru